

Р.Г. Жамсаранова

Читинский государственный университет

**Генонимы тунгусов и инородцев-бурят Нерчинского уезда
тюркского языкового происхождения
(на материале ревизских описей XVIII – XIX вв.)**

Аннотация: В статье представлены фрагментарно родовые названия тунгусов и инородцев исторической Даурии XVIII–XIX вв.: Вакарройского и Шарайд. Анализ генонимов позволяет сделать вывод не только об общих генетических корнях, но и о вероятном факте присутствия тюркского компонента в этногенезе бурят и части русского старожильческого населения Забайкалья, имеющих «тунгусское» происхождение.

Типологический анализ систем языческой антропонимии тунгусов и бурят с таковыми тюркскими vs языческими татарскими и чувашскими, лексико-семантический анализ в сравнительно-сопоставительном аспекте позволяют обнаружить как лексическое сходство антропонимов, так и перспективу типологии исторической этнонимии и антропонимии Восточного Забайкалья.

This article represents some tribal proper names of a part of aboriginal population of historical Dauriya of XVIII–XIX centuries: Vakharoy and Scharaid. The linguistic analysis of these proper names let us make a certain conclusion not only about the common ethnic origin, but the Turk ethnic element as among Buryat tribes, so the part of the aboriginal part of Russians, who have the so called ‘Tungus’ ethnic origin.

The typology of the system of pagan proper names of Tungus population reveals the lexic identity of them. This fact can be useful just for future scientific investigations of corpus of historical proper names – ethnonyms and personal names.

Ключевые слова: родовые названия тунгусов и инородцев, этимон, типология генонимных названий, ревизские описи XVIII–XIX вв., языческие имена бурят, лингвистический анализ, тотемное имя, тюркский компонент этногенеза тунгусов и бурят.

Tribal proper names of Tungus and aboriginal population, etimon, typology of tribal proper names, revizskiye skazki of XVIII-XIX centuries, pagan proper names of Buryat, linguistic analysis, totemic name, Turk substrate in the ethnic origin of Tungus and Buryat of Transbaykalye.

УДК: 801.54.

Контактная информация: Чита, ул. Александро-Заводская, 30. ЧитГУ, кафедра теоретической и прикладной лингвистики. Тел. (3022) 416444. E-mail: rebeca_zab@mail.ru.

В данной статье представлены фрагментарно родовые названия тунгусов и инородцев исторической Даурии XVIII–XIX вв., извлеченные из архивных документов (ревизских сказок) Государственного Архива Забайкальского края (ГАЗК). Согласно архивным документам, население исторической Даурии (Восточного Забайкалья) «прозывались тунгусы, инородцы и бродячие ороконы». Тунгусы и инородцы делились на роды, названия которых до настоящего времени еще недостаточно изучены. Согласно ревизским описям к инородцам губернского

ми чиновниками были отнесены и забайкальские бурятские роды и некоторые тунгусские, что доказывает тезис о перспективности исследований с учетом наличия некогда общих этногенетических корней забайкальских тунгусов и бурят.

Изученное состояние антропонимии тунгусского и инородческого населения Даурии позволяет отнести ряд родовых названий (генонимов) к этноязыковым сообществам, имевшим, по-видимому, тюркское происхождение. Так, геноним тунгусов Вакарыйский, как и некоторые другие родовые названия, согласно семантике их корневых основ – возможно отнести к родам тюркоязычного происхождения. Г.М. Василевич, считая род Вокрай ~ Вакурай (Вакасильский, Украинский) собственно тунгусским, пишет, что «часть их (Вакагил) ушла на восток и, выйдя на низовья Амгуни, вошла в состав негидальцев, получив название Чукчагил» [Василевич, 1967. с. 266].

Заметим, что определенного и однозначного ответа по поводу этнической принадлежности такого народа как тунгусы, в частности, нерчинских тунгусов, пока не существует. Поэтому на основании данных о наличии тюркских географических названий в региональной топонимии представляется возможным изучить более тщательно и корпус родовых названий так называемых «тунгусских» родов. Опираясь на топонимию субстратного происхождения, позволим предположить о наличии в среде тунгусов Даурии былого автохтонного населения, имевшего тюркоязычную этногенетическую основу. Заметим, что тюркские апеллятивы образуют довольно древний и плотный слой в системе субстратных топонимов в количественном отношении [Жамсаранова, 2009, с. 290–293].

Исходя из гипотезы о тюркоязычных автохтонах, попробуем соотнести этимон генонима Вакарыйский (Вакасильский, Вакцилский¹) с апеллятивом *вакэр / вайкэр* «бык» современного чувашского языка. Лексико-семантическим аналогом чувашского *вакэр / вайкэр* «бык» в монгольских языках выступает слово *ухэр / укэр* «бык». Примечательно, что помимо семантики, эти апеллятивы объединяет явление ротацизма, которое «свойственно только монгольским и чувашскому языкам, в других же тюркских языках вместо ‘р’ выступает звук ‘з’ – чувашское *вайкэр* – монгольское *ухэр/укэр* – тюркское *йгез*² – русское *бык*» (В.Ф. Каховский) [цит. по: Егоров, 2003, с. 125].

По устному замечанию Н.И. Егорова инициальное ‘в’ слова *вайкэр* (<*ухэр / укэр*), а также в генонимном Вакарыйский могло появиться примерно еще в домонгольский период, опосредованное влиянием некоего другого языка. Это мнение косвенно подтверждается архивными данными ГАЗК. Согласно ревизиям Нерчинского уезда в составе «Ярапинских», т.е. Яравнинских / Еравнинских тунгусов, помимо Вакарыйского были роды Почегорский и Казейский. По нашим данным эти два рода тунгусов по своему этноязыковому происхождению могли относиться к самодоязычным племенам [Жамсаранова, 2008, с. 83–89].

Вакарыйский род назывался Украинским в разных документах ГАЗК. Полагаем, что это название является искаженным вариантом бурят-монгольского аналога чувашского *вакэр – ухэр / укэр*, означающего то же, что и в бурятском языке – «крупный рогатый скот; бычий; вол, кастрированный бык». Поэтому геноним Украинский иллюстрирует собой пример того, как было воспринято это имя (букв. бурят-монгольское *укэр-ский*) в записях русскоязычных сборщиков ясака,

¹ В XVII–XVIII вв. Украинский род был известен еще под названиями Вакасильский, Увакасильский, Вакарыйский, Вакарельский, Векерейский и т.д. [Долгих, 1960, с. 342].

² Ср. племенные названия огуров и огузов, например, мнение Л.Н. Гумилева о том, что «слово огуз первоначально могло значить просто ‘племена, объединение племен’, которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением» [Гумилев, 2003, с. 70], несколько не совпадает с нашим. Этимологией этих племенных названий является не понятие ‘племя’, а, скорее всего, ‘бык’. Легендарное имя Огуз-хана – прародителя туркменов – явное тому подтверждение.

которыми, как известно, и велись записи в ревизских описях в целях фиксации подушевого количества ясачных инородцев. Первичным генонимом, собственно самоназванием рода, по-видимому, следует считать геноним Вакаройский.

Не исключено, что для появления генонима Украинский (вторичного) одним из номинирующих факторов, возможно, явился тот факт, что тунгусы-вакарои обитали на отдаленных от центра (Нерчинска) территориях, пограничных с Монголией. Омонимия (монг. *укэр-ский*) ~ русск. *Украинский*, т.е. у окраины), явившаяся причиной образования вторичного генонима, могла стать именно тем мотивировочным признаком для обозначения рода, обитавшего на отдаленных территориях¹.

Род Вакарель / Украинский Нерчинского уезда насчитывал в XVII в. 104 плательщика [Долгих, 1960, с. 351]. Вакарои платили ясак также в Кучидском остроге Иркутского уезда, в Телембинском остроге, затем были приписаны к Онгоцонской управе Урульгинской Степной Думы, земли которой занимали пограничные с Монголией территории. Известно, что тунгусы Украинского рода ходили для промысла вниз по Витиму, на Каренгу и Олекму. В 1652 г. Вакаройский род в количестве 20 душ был приписан к Чаринскому зимовью Якутского уезда. Б.О. Долгих пишет, что «о потомках Вакаройского (Украинского) рода, платившего ясак в Тунгирский и Чаринское зимовьях, а затем в Албазинском остроге, ничего не известно» [Долгих, 1960, с. 488].

Такое обширное территориальное распространение тунгусов-вакароев подтверждает наблюдение Б.О. Долгих о том, что Украинский род подразделялся на конных и оленных. Историки выделяют в среде нерчинских тунгусов «конных тунгусов», которые «под влиянием контактов с монголами... стали заниматься кочевым скотоводством» [История Забайкалья, 2002, с. 35]. «Однако в отличие от монголов, скот они держали в небольшом количестве, совершали только две кочевки в год: с зимников на летники и обратно. Конные тунгусы были наиболее многочисленной и сильной группой²» [Там же]. По-видимому, к конным тунгусам следует отнести не только тунгусов-вакароев, а также дулигатов и дуликагиров Нерчинска, также имеющих тюркоязычное происхождение [Жамсаранова, 2010, с. 106–107]. Разведение коней и лошадей требовало освоения обширных степных пространств, что, возможно, и обусловило столь экстерриториальное перемещение части тунгусов-вакароев.

Наличие же оленных тунгусов в составе Украинского / Вакаройского рода свидетельствует о присутствии какого-то иного этнического компонента в среде конных вакароев. Не исключено, что Вакаройский род объединялся с каким-либо другим родом для платежа ясака. На такие прецеденты указывает и Б.О. Долгих: «В начале XVIII в., впрочем, Украинский род объединился для платежа ясака с почегорами» [Долгих, 1960, с. 342]. По данным ГАЗК тунгусы Вакаройского рода были в составе «Яравнинских тунгусов», куда также причислялись роды Почегорский, Шунинский, Казейский. Полагаем, что в основе объединения родов, повлекшего и смешение типов хозяйствования, находились мотивы явно прагматического характера, когда одному роду размер ясака, распределяясь на увеличенное количество подушевого количества ясачных инородцев, становился подъемным. По-видимому, вакарои к началу XVIII в. были, в основном, коневодами, тогда как у почегоров-самодийцев сохранились элементы оленеводческого типа хозяйствования [Жамсаранова, 2008, с. 83–89].

Среди восьми так называемых «теленбинских тунгусов» упоминается Сарадулский род, зайсаном у коих был записан Сунунтал Зусаевъ [ГАЗК, ф. 300]. Помимо Сарадулского рода к телембинским родам относились следующие роды: Улятский, брацкой Харганатский, Намятский, Узоновский и Чильчагирский роды.

¹ Ср. в русском языке именование отдаленной местности – Украина, т.е. окраина.

² Не выделяя, однако, какие-то роды конкретно.

Геноним Сарадульский можно отнести к лексическим вариативным аналогам родовых названий с отапеллятивным «бык», так как в основе генонимного Сарадульский находится, на наш взгляд, монгольской *сар* «бык». В последующем это родовое название в архивных документах не упоминается.

Достаточно серьезным обоснованием тюркоязычности генонима Вакаройский следует считать как гипотезу об исторической прародине современных чувашей, обнаруживающей чувашско-монгольские лексико-семантические параллели [Егоров, 1954, с. 120–121], так и анализ антропонимических данных ревизских описей ГАЗК. Личные имена тунгусов Вакаройского и некоторых других тунгусских и инородческих родов (описи 1791–1858 гг.) могут быть соотнесены с языческими чувашскими именами, представленными у В.Ф. Каховского [см.: Каховский, 2003, с. 296]: *Адивуль*, *Адий*, *Адоней*, *Аданей*, *Адавуль* с Адила; *Алтывай*, *Алтани*, *Алтынань* с Алмит, *Аневуль*, *Ане* с чувашским Аней; *Силиуль*, *Сильту* с чувашским Сели, Селик; *Ерниткань*, *Ерентей*, *Ерка*, *Еренцей* с Ернука, Эрнук; *Толей*, *Талей*, *Талиуль* с Талей, Талян, Талик; *Игланей*, *Илдана*, *Илуний*, *Илханий* с Илга; *Шимавулепъ* с Шиман / Шимун, *Мынгету Хуцаевъ*, *Сумунжсей Хуцовъ* с Хуза.

Лексико-морфологический, сопоставительный анализы имен тунгусов Вакаройского рода от 1791 г. обнаруживают явную параллель с таковыми чувашскими языческими именами по данным В.К. Магницкого [Магницкий, 1905]. В ведомости Вакасильского рода «о платящих и не платящих ясак за 1790 год» записаны имена только мужчин в количестве 17 душ, задолжавших царской казне ясачную повинность в количестве 42 рублей. Из этого списка достаточное количество имен собственных сопоставимо с чувашскими языческими именами: *Бама* с Бами, *Бамай*; *Богдака* с Богдакь; *Данги* с Денгей; *Дугуевъ* с Дака; *Олбори* с Алборь; *Одуевъ* с Одей; *Суму*, *Сумунжсей* с Сыма, Суммань, Сумушка; *Пучка*, *Пучхинь* с Пучка, Пучакь; *Мычкиевъ* с Мичей; *Улей* с Улей; *Чанкой* с Чанкей.

Другие имена Вакасильского рода также имеют вероятную лексическую параллель с языческими чувашскими: *Мянжи* с Мандя; *Заку*, *Зугуевъ* с Сугей, Сугунь; *Урбаики* с Уразбань, Уразбай; *Пополая* с Полай, Поптай; *Мешалка*¹ с Мишлей, Мишата, Мишатка, Мемешь, Машей; *Мано* с Маня, Манякь; *Хуцаевъ*, *Хуцовъ* с Хозя; *Судонай* с Сюндей, Судакай; *Шелбусунь* с Шайсуба или с Силувай. Шуленгой этого рода тунгусов был *Пучка Дугуевъ*, которому в 1791 г. было 75 лет, его сыновья записаны как *Пронька Пучхинь*, *Гулугун Пучхаевъ*, т.е. грамматическая форма посессивности передана посредством русских суффиксов –инь и –а(о)евъ. Полагаем, что корневая основа антропонима *Пучка* также могла быть записана как *Бычкитуевъ* (например, *Мянжа Бычкитуевъ*).

Добавим, что среди имен Вакаройского рода тунгусов Кучитского острога от 1850 г. значится мужское имя *Вакора* [ГАЗК, ф. 1(0)]. В Забайкалье фамилия *Вакарины* – это довольно распространенная «русская» фамилия старожильческого населения Забайкалья. Также имеют распространение такие фамилии как *Еренков*, *Иринцев*, *Селин*, *Селиков*, *Судаков*, *Хозеев*, бурятские Мажиев, Манжигеев, Чанкиров и т.д., в основе которых при сравнительно-сопоставительном анализе можно обнаружить общетюркские (vs татарские, чувашские) языческие антропонимы [Жамсаранова, 2009, с. 176–179].

К инородцам Нерчинского уезда согласно ревизским описям 1831–1858 гг. причислялись также и роды инородцев-бурят, находившиеся в ведении Агинской Степной Думы, тогда как тунгусские относились к Урульгинской Степной Думе. Род Шарайд считается одним из одиннадцати родов хори-бурят. Входит этот род и в состав так называемой агинской группы хори-бурят. Семантической калькой генонима Шарайд возможно считать название Желтоцкого рода тунгусов, запи-

¹ В связи с неразборчивостью почерка писаря имя может также прочитано как Мемалка.

санного отдельным родом в составе Урульгинской инородной управы. Калькированность генонима Желтоцкий обусловлена, вероятно, фактом народной этимологии, когда при записи онима произошел факт ложного перевода на русский язык названия Шарайд от бурятского атрибутива *шар* – «желтый, в значении светлый» + ээд <-*айд* (plural), обусловившего образование названия Желтоцкий.

Однако в отношении генонимов подобная «цветовая» модель номинации представляется несколько необъективной. Подобного рода «цветовое» деление народов и племен является на поверку не собственно названием рода, племени, а, что более объективно, экзонимным названием. Например, на первых картах сибирских земель остались такие надписи как «белые», «черные» и «желтые» мунгалы (Карта¹ разграничения земель Сибири и сопредельных территорий, созданная в Тобольске неизвестным автором в 1673 г.).

Согласно Миллеру «Шелтуцкий» род или как его еще называли – дзалтот – был приписан к Нерчинску, и Шелтуцкий род был отмечен в ведении Итанцинского брацких (бурят). В списке инородцев Итанцы, состоящем из 12 родов, 11 из которых считаются бурятскими, под седьмым номером упомянут род Чарайт – Шараицкий [Элерт, 1990, с. 207]. Можно только предполагать, не имея на то каких-то достоверных фактов о миграции родоплеменных сообществ в пределах Сибири о том, что это название относится к самому раннему упоминанию этого генонима как одного из бурятских родов. Полагаем, что геноним Чарайт и Шарайд являются вариантами в ревизиях инородческого населения Нерчинского уезда, представляя на деле один и тот же род или его кукур.

Ц.Б. Цыдендамбаев, не исключая мнения о том, что «Шарайт» происходит от *шара* – «желтый», приводит, тем не менее, ряд значимых замечаний лингвистического характера, позволяющих задуматься по поводу этимона Шарайд [Цыдендамбаев, 1972, с. 196–198]. На основании этих соображений позволительно предложить несколько иную гипотезу об этноязыковой принадлежности генонима Чарайт / Шарайд, нежели бурятская. В этой связи полагаем, что этимоном генонима Чарайт / Шарайд выступает древнетюркское *чар* «бык». Аппелятивное *чар* «бык» имеет семантические аналоги в монгольском языке – *цар*, в бурятском – *сар*, в тункинском, аларском диалектах бурятского языка – *шар*². По-видимому, оним Чарайт или Шарайд связан с более древним периодом истории автохтонного населения по времени своего появления, нежели оним тунгусов Вакаройский. В пользу нашего мнения выступают высказанные сомнения Ц.Б. Цыдендамбаева о том, что если оним Шарайд появился от слова *шара* «желтый», то в старомонгольском языке оно имело бы звучание *шир-а*, а не *шара*. Добавим, что в этом бы случае суффикс множественности должен бы быть –нүүд, а не –аайд/-ээд, т.е. шар+нүүд «желтые», не Шарайд.

Таким образом, реконструированная корневая основа генонимов Вакарой и Шарайд «бык, пороз» позволяет выявить этническую связь тунгусов-вакароев с бурятами-шарайд. По-видимому, эти группы тунгусов и инородцев входили в своем недалеком прошлом в некогда единое этническое протосообщество, корни которого уходят в прошлое монголов, тюрков и хунну. В этом случае правомерно предполагать и об общих этногенетических корнях вакароев-тунгусов и шарайд-бурятов.

¹ Карта была представлена в качестве иллюстративного документа к докладу «О некоторых топонимических загадках Республики Алтай» доктором филологических наук, профессором О.Т. Молчановой на Международной научной конференции «Дульзоновские чтения: Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур» (Томск, 2008).

² По устному сообщению В.Д. Патаевой, кандидата филологических наук, заведующей кафедрой бурятского языка Бурятского госуниверситета.

В 1652 г. Вакаройский род в количестве 20 человек был приписан к Чаринскому зимовью Якутского уезда. Попутно заметим, что факт кочевков тунгусовакароев в окрестностях р. Чара позволяет предположить об отантропонимном происхождении гидронима Чара¹, ойконима Чара Забайкальского края. Антропонимное *чар* «бык», бывшее именем прозвищного характера у предводителя рода Чараит, в ревизских описях, в данных Миллера стало основой для образования генонимного Чараит / Шарайд / Желтоцкий. Родственным этим родовым объединениям как в среде тунгусов Урульгинской Степной Думы, так и у инородцев-бурят, являлся, по-видимому, Вакаройский vs Украинский род.

В тотемном происхождении генонимов Вакаройский, Чараит или Шарайд / Желтотский сомневаться не приходится. Образ тотемного первопредка-быка как нельзя лучше соотносится с картиной мира кочевников, когда предводителем рода становился человек, олицетворяющий природные качества истинного лидера, вожака, обладающего большой физической силой.

Образ быка в качестве тотемного первопредка бурят, особенно тункинских и других групп Бурятии, довольно распространенный образ в бурятской мифологии [Павлов, 2006, с. 4]. У булагатов прародитель Буха-нойон (Бык Отец-Князь) обитает в Тунке, сыновья которого положили начало основным булагатским родам бурят. Среди «коренных» булагатских родов генеалогической группировки «батлаевцев» (по другим источникам известные как батулинцы) находится и «шаралдаевский род, перекочевавший в верховья Иды (группа идинских бурят-булагатов)», а также род быкот² [Там же, с. 17].

Изучение ревизских описей ГАЗК позволяет утверждать о том, что, по крайней мере, до начала XX в. тунгусы и инородцы Нерчинского уезда в этноязыковом отношении оставались почти единой этнической общностью. Одно и то же этносообщество, объединенное общим происхождением, согласно административным циркулярам Иркутской губернской власти могло быть записано в ревизиях под именем тунгусов и инородцев, иногда называемых «полулюдьми» [ГАЗК, ф. 1–0]. Так, например, в ревизиях от 1816 г., 1828 г. упомянутый Желтотский род полулюдей старшины Шаралдая Самаева³ в количестве 24 мужских душ и 26 женских, в «Списке из окладной книги Нерчинского земского суда» обозначен как род инородцев шарайд [ГАЗК, фф. 55, 1–0].

Исследования ученых, в частности, по мифоритуальным традициям бурят Предбайкалья и Забайкалья, позволяющим реконструировать семантическое наполнение образов тотемных первопредков, указывают на наличие «средневекового тюркоязычного населения» в этногенезе бурят [Дугаров, 1993]. Е.В. Павлов приходит к выводу, дополняющему это мнение, о том, что образ быка-первопредка достаточно древен и известен с давних времен у иранских народов в качестве солярного бога (Митра) и коррелирует с образом Хан-Шаргай-нойона (Хан Соловый Господин)⁴, семантическим вариантом которого является почитаемый у булагатов образ Буха-нойона.

Vug'a или бурятское *буха* «бык» это семантический аналог лексемы *сар*, прототюркского *чар*. Аппелятивное *ухэр / укэр* по устному замечанию профессора Н.И. Егорова является иранизмом в чувашском языке. Тогда не может ли быть

¹ Минерал чароит, месторождения которого обнаружены на реке Чара, например.

² По нашему мнению, геноним является русскоязычной калькой бурятского (тункинско-ского говора) *шар* «бык».

³ В «Истории Земли Даурской» упоминается тунгус Шаралдай, который в апреле 1670 г. выступил в качестве посланника от богдойского царя нерчинскому воеводе Даниле Аршинскому с предложением отправить к нему послов. Проводниками были тот же тунгус Шаралдай «со товарищи». Это был первый полуофициальный визит русских в Китай через Маньчжурию из Нерчинского острога [Балабанов, 2003, с. 94].

⁴ По мнению Т.М. Михайлова *шарга* означает «соловый» [Михайлов, 1987, с. 30].

бурятское *ухэр* / *укэр* явлением реликта языковых контактов в монгольских языках, которое, вероятнее всего, опосредовано древними контактами тюрков и ираноязычных племен?

Соляные черты этих мифологических образов могут быть представлены не только посредством тотемного образа быка, но также и козла. «У бурят, – по мнению Г.Р. Галдановой, – козел в древности также был символом солнца, однако впоследствии его соляная символика была забыта» [Галданова, 1987, с. 24]. Рудиментом этого представления об образе козла как символе солнца является шаманский обряд, когда туша козла подвешивалась на шест в качестве жертвоприношения.

Описание подобного обряда находим у Исбрант Идес, который пишет, что «вблизи от их (бурят – Р.Ж.) домов стоят воткнутыми в землю стрелы, жерди и копыя, к которым прикреплено несколько козлов и овец. Их богослужение состоит единственно в том, что они несколько раз в году, с преклонением головы воздают некоторые почести дохлым козам и овцам, которые прикреплены перед их жилищами. То же самое делают они, обращаясь к солнцу и луне, склоняясь на колени с протянутыми руками и не произнося при этом ни слова...» [Алексеев, 1941, с. 521–523]. Эти наблюдения Идеса о язычниках-бурятах, населявших по его сведениям «край до самого Байкальского озера, орошаемый Ангарой», являются весьма ценными сведениями, которые дают возможность соотнести с древностью и сакральностью образа быка в языческом мировоззрении бурят.

Таким образом, на основе анализа этих фактов, возможно представить следующий лексико-семантический сопоставительный ряд генонимов и мифонимов: древнетюркский апеллатив чар «бык», персонифицируя лексически понятие и образ тотемного первопредка, стал корневой основой генонимов бурят Шарайд < Чарайт < Желтоцкий / Шелтуцкий (дзалтот) тунгусов Нерчинского уезда, а также Вакаройского < Украинского рода тунгусов. От этих генонимных названий образованы имена собственные: < антропоним Шаралдай; < мифоним Хан-Шаргай-нойон / Буха-нойон. Заметим, что выше нами указывалось на наличие в бурятском и монгольском языках лексико-семантических соответствий с древнетюркским апеллативом «бык». Поэтому однозначно предполагать только о древнетюркском лексическом начале антропонимов, эпонимов и мифонимов бурят несколько преждевременно. Стоит отметить, что предложенная семантическая трактовка эпонима Хан-Шаргай-нойон как Хан Соловьиный господин от диалектного тюркского *saḡa(j)* «желтый» [см. об этом: Павлов, 2006, с. 33], в лексико-семантическом отношении коррелирует с бурятским шара «желтый». Однако, как представляется, более предпочтительной является версия не о «цветовой» природе генонима, а все-таки отапеллативной, имеющей явно выраженный тотемный характер.

Мифологический первопредок родового сообщества имел не только вербальный образ. Так, на тамге тунгусов Вакаройского рода было изображение козла. У шуленги Вакасильского рода Пучинь Тевульева на его родовой печати были изображены козел и лук со стрелой [ГАЗК, ф. 300]. Отдельного исследования заслуживает исторический факт смены антропонимикона тунгусов и бурят-инородцев Забайкалья. В течении почти 150-летнего периода, начиная с XVII в., проводилась политика обращения забайкальских тунгусов в православие, что и опосредовало изменение антропонимической системы на русскую. К XIX веку по ревизским описям населения обнаруживается, что количество «крещеных» тунгусов и инородцев неуклонно увеличивается, а антропонимический состав включает малое количество языческих имен.

В ревизии Онгоцонской инородной управы 1857 года, среди которых упомянут Вакасильский род, уже имеются крещеные тунгусы в количестве 32 душ (14 мужского пола и 18 женского) с фамилиями Глотов, Гурулев, Волков, Сенатрусов, Пляскин, Шеломенцев, Масюков и т.д. [Жамсаранова, 2009, с. 176–179].

Среди некрещеных, число коих было 96 мужского и 107 женского пола, есть имена тибет-монгольского происхождения: Аюши, Базарь, Бату, Гомбу, Шагдурь, Цевекь. Этот факт свидетельствует о том, что к XIX веку тунгусы Даурии превращаются в два разных по языку этнических сообщества – русских и бурят. Со стороны монгольского мира также активно, начиная с XV–XVI вв., проводилась политика обращения населения в ламаизм. Онгоцонская управа, в ведении которой были тунгусы Вакаройского рода, управляла теми родами, «породными» землями которых были территории, пограничные с Монголией.

Таким образом, анализ генонимных названий тунгусов и бурят – Вакаройский и Шарайд – позволяет сделать вывод не только об общих генетических корнях, но и о вероятности присутствия тюркского компонента в этногенезе бурят¹ и некоторой части русского старожильческого населения Забайкалья, имеющего тунгусское происхождение.

Литература

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XII–XVII вв. Иркутск, 1941.
- Балабанов В.Ф. История Земли Даурской. Чита, 2003.
- Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи: В 2 ч. М., 2002.
- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начала XX вв.). Л., 1967.
- Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.
- Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК): фонд 1о, оп. 1, д. 17598; оп. 1, д. 17594 (1816 г.); (1850 г.).
- Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК): фонд 55, оп. 2, д. 60 (1848–1849 гг.).
- Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК): фонд 19, оп. 1, д. 86.
- Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК): фонд 300, оп. 1, д. 4.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. СПб., 2003.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
- Дугаров Д.-Н.С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993. С. 207–235.
- Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева. Л., 1969.
- Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1954. Ч. I. С. 119–120.
- Егоров Н.И. Узловые проблемы ранних этапов огуро-булгаро-чувашского этнолоттогенеза и современные проблемы алтаистики // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: В 2 ч. Чебоксары, 2009. Ч. I. С. 29–33.
- Жамсаранова Р.Г. Этнотопонимия самодийского происхождения в системе географических названий Восточного Забайкалья // Вестн. Читин. гос. ун-та. № 6 (51). 2008. С. 83–89.
- Жамсаранова Р.Г. Тунгусские генонимы тюркского происхождения // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: В 2 ч. Чебоксары, 2009. Ч. I. С. 176–179.
- Жамсаранова Р.Г. Тюркоязычная топонимия // Малая энциклопедия Забайкалья: Культура: В 2 ч. / Гл. ред. Р.Ф. Гениатуллин. Новосибирск, 2009. Ч. 2. С. 290–293.
- Жамсаранова Р.Г. Диахронный аспект этнонимии Даурии // Урал – Алтай: через века в будущее. Уфа, 2010. С. 106–107.
- Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 2003.

¹ Как западных, так и восточных, т.е. хори-бурят.

Константинов А.В. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита, 2002.

Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. Новосибирск, 1987.

Павлов Е.В. Семантика религиозно-мифологического образа Хан-Шаргай-Нойона (к этногенетическим истокам солярного бога-сотера в мифоритуальной традиции бурят Предбайкалья) // В мире традиционной культуры бурят. Улан-Удэ, 2006. С. 3–61.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.